

© 2018 г.

Н. К. КАПИТОНОВА

НЕВИЛЛ ЧЕМБЕРЛЕН И ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ»

Капитонова Наталья Кирилловна — доктор исторических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640000113-2

«Я привез мир для нашего времени». Вряд ли какие-либо другие слова, сказанные премьер-министром Великобритании в XX в., вызвали у его соотечественников большее облегчение, чем эта необдуманная фраза, произнесенная Невиллом Чемберленом 30 сентября 1938 г. по возвращении из Мюнхена в Лондон. Она преследовала незадачливого премьера не только в оставшиеся недолгие годы жизни, но стала его своеобразной «визитной карточкой» на многие десятилетия и после смерти.

Мюнхенский сговор, ставший кульминационным моментом политики «умиротворения агрессоров», является одной из самых позорных страниц британской истории. Не случайно во всех рейтингах премьеров Британии XX в., составляемых ведущими историками и политиками, тогдашний руководитель страны Н. Чемберлен неизменно занимает одно из последних мест. Мюнхен «знаменателен» тем, что судьба Чехословакии, территорию которой с таким цинизмом делили на конференции, решалась за ее спиной и без ее представителей — им было позволено лишь покорно принять вынесенный вердикт. Чувство стыда за содеянное заставляло послевоенные британские правительства время от времени выступать с заявлениями об осуждении мюнхенского соглашения, признании его недействительным с момента подписания, но только после заключения в 1992 г. отдельного англо-чехословацкого договора по этому вопросу Британия смогла, наконец, подвести своего рода черту под этим позорным деянием.

О Мюнхенском сговоре и роли Н. Чемберлена в ставшей к концу 1930-х годов главным внешнеполитическим вектором политике «умиротворения» написано очень много. В советской историографии все основные акценты были расставлены достаточно давно и не менялись. Вот и министр иностранных дел России С. В. Лавров, выступая 17 февраля 2018 г. на Мюнхенской конференции по безопасности, напомнил, что именно в Мюнхене 80 лет назад была заключена договоренность о разделе Чехословакии, которая стала прелюдией ко Второй мировой войне¹. В зарубежной же, и прежде всего британской, историографии существуют разные оценки Чемберлена и проводимой им политики. Признавая порочность решения о разделе Чехословакии, многие политики и специалисты указывали на просчеты, аморальность и откровенный обман, а также некомпетентность правительства не только Чемберлена, но и его предшественников — Р. Макдональда и С. Болдуина, обвиняя их в неспособности провести перевооружение и несостоятельности поли-

¹ Выступление и ответы на вопросы С. Лаврова на Мюнхенской конференции по безопасности. Мюнхен, 17.И.2018. — mid.ru

тики «умиротворения», неадекватной возрастающей в Европе угрозе. К тому же, огромное большинство в Палате общин (признанное впоследствии «нездоровым») позволяло этим правительствам проводить внешнюю политику, не обращая внимания на критику и недовольство общественного мнения. Такая оценка впервые прозвучала в работе «Виновные» («The Guilty Men»), опубликованной журналистами М. Футом и другими в июле 1940 г. после поражения Франции и сразу ставшей бестселлером. У. Черчилль также в мемуарах обвиняет своего предшественника на посту премьера в недооценке экспансионистских амбиций Гитлера и неспособности принять адекватные меры в сфере перевооружения, в результате чего Британия была втянута в «ненужную» войну. 3 октября 1938 г. У. Черчилль предсказал: «Англии был предложен выбор между войной и бесчестьем. Она выбрала бесчестье и получит войну». Возможно, поэтому Запад пытается забыть Мюнхен, а молодое поколение воспринимает его как событие, которое «изжило» себя. В свою очередь А. Иден, признав, что он не расхотел с премьером по принципиальным вопросам, в отличие от методов осуществления политики «умиротворения», осудил Чемберлена за то, что тот поддался шантажу и угрозам со стороны фашистских держав. Такие специалисты, как Р. Кокетт, Г. Кеннеди, Э. Уискерман и другие ставили во главу угла самого Чемберлена, ничтожная личность которого наложила свой отпечаток на всю проводимую Британией в тот период и приведшую к международному кризису политику, называя его невежественным и упрямо проводящим курс, лишь разжигавший аппетиты агрессоров. В то же время многие исследователи не усматривали злого умысла со стороны премьера, отмечая его излишнюю доверчивость, благородное стремление предотвратить войну, но вместе с тем и неспособность трезво оценить обстановку, в результате чего он поверил Гитлеру и, идя навстречу его наглым требованиям, невольно привел страну к войне.

Во второй половине 1960-х годов оценка Чемберлена была скорректирована: его стали представлять не наивным, слабым и неэффективным лидером, испытывавшим парализующий страх перед нацистской военной машиной, а сложным и способным политиком, а сам курс на «умиротворение» — как реалистичный, отвечавший настроениям не только членов кабинета и консервативной партии, но и большинства британцев и чуть ли не единственно возможным. Так, например, Д. Дилкс пытался подправить репутацию премьера, утверждая, что тот выжал максимум из возможного, дав стране время для наращивания своей военной мощи. В этом же ключе высказывался и бывший премьер Р. Макдональд. Ведущий британский историк М. Гилберт полагал, что политика «умиротворения» связана не только с Чемберленом, она была присуща всей британской внешней политике межвоенного периода. Оправдывали экс-премьера и его биографы К. Фейлинг и Р. Селф, утверждая, что он проводил продуманную политику перевооружения и «умиротворения», что, как в свою очередь считал Дж. Чармли, позволяло сохранить остатки британской мощи. По понятным соображениям в этом же ключе выступили в своих мемуарах и «виновные» — бывшие члены кабинета С. Хор, Дж. Саймон и лорд Галифакс. Защищают Чемберлена и его политику известные историки М. Белофф, Ф. Нортедж, а также некоторые другие, ссылаясь на широко распространенный в то время в обществе пацифизм, слабость британской экономики и позицию доминионов. На этом основании делается вывод о верности и безальтернативности политики «умиротворения», а сам премьер как бы выводится за скобки содеянного в Мюнхене. Характеризуя Чемберлена как популярного политика, «искусно и упорно» проводившего в сложной международной ситуации «моральную линию», А. Тэйлор

вообще утверждал, что «умиротворение» «стало триумфом всего лучшего и светлого, что было в британской жизни»(!)².

По мере того, как рассекречивались документы той поры и исследователи получили доступ к архиву Чемберлена в Бирмингемском университете, оценка бывшего премьера стала возвращаться к первоначальной, присущей 1940-м гг. Так, в частности, У. Факсер после изучения дневников, которые тот скрупулезно вел долгие годы, ответственно утверждает, что премьер не сделал ничего, чтобы подготовить страну к войне, что он «отдавал предпочтение финансовой стабильности в ущерб перевооружению» и использовал политическую власть «для принуждения, манипуляций и запугивания»³. В то же время Р. Селф на основе тех же дневников в опубликованной в 2006 г. биографии Чемберлена призывает к более взвешенной оценке премьера, который, по его мнению, был не понят и недооценен, и сожалеет, что провал политики «умиротворения» заслонил собой достигнутые им очевидные достижения в качестве радикального социального реформатора и успешного канцлера казначейства⁴. В свою очередь, Ф. Макдонохью, не пытаясь оправдывать политику Чемберлена, поясняет, что он был не традиционным тори, а аутсайдером, не получившим гуманитарного образования провинциальным бизнесменом, дилетантом в политике, в которую пришел, к тому же, в зрелом возрасте. Замечания и возражения высокопоставленных сотрудников Форин офис по поводу проводимого курса действовали на него раздражающе, только усиливая желание доказать, что он прав, а излишне осторожные методы традиционной британской дипломатии в новых условиях быстро меняющейся международной обстановки никуда не годятся⁵.

Исключая крайние трактовки и мнения о деятельности этого, как выразилась «Financial Times», «подзабытого героя»⁶, можно утверждать, что подавляющее большинство политиков и занимающихся предвоенным периодом серьезных исследователей осуждают его доморощенную дипломатию и сходятся во мнении, что отдавая предпочтение «умиротворению» и упорно его продавливая, он игнорировал альтернативные возможности предотвращения конфликта, в частности, политику совместного отпора агрессорам в рамках коллективной безопасности, чем фактически способствовал приближению войны, за что и несет ответственность. Чтобы понять, что представлял собой один из наихудших британских премьеров XX столетия, обратимся к его биографии.

* * *

Представитель знаменитой политической династии Невилл Чемберлен родился 18 марта 1869 г. Отец — Джозеф Чемберлен — бирмингемский бизнесмен, поднявшийся до уровня члена правительства Солсбери, был одним из самых видных политиков конца XIX — начала XX в., расколовшим в 1880 г. либеральную партию из-за расхождения с Гладстоном по вопросу предоставления самоуправления Ирландии и приведшим либералов-юнионистов к объединению с консервативной партией. По словам бывшего главы Форин офис Дагласа Хэрда, Джозеф «разогрел мотор

² Aster S. *Appeasement: Before and After Revisionism*. — *Diplomacy and Statecraft*, 2008, v. 19, issue 3.

³ *Ibidem*.

⁴ Self R. *Neville Chamberlain. A Biography*. Burlington (USA), 2006, p. 450.

⁵ McDonough F. *Neville Chamberlain, Appeasement and the British Road to War*. Manchester University Press, 1998, p. 156.

⁶ *Financial Times*, 14.VII.2016.

для своих двоих сыновей»⁷: он сам или его дети Остин и Невилл являлись членами каждого правительства с 1895 по 1940 г. Список занимаемых ими в разное время постов весьма внушителен: лидер либерал-юнионистского крыла в правительстве консерваторов, строитель Британской империи Джозеф был министром по делам колоний (позже — рядовым заднескамеечником Палаты общин); его старший сын Остин занимал разные министерские посты, дважды становился канцлером казначейства, а также возглавлял партию консерваторов в 1921—1922 гг., став одним из двух лидеров-тори в XX в., кто так и не смог подняться до уровня премьер-министра; третий в очереди на высший пост и самый заурядный из Чемберленов, «мелкий бизнесмен»⁸, «человек ограниченного мышления и очень упрямого характера»⁹, политик, «в котором не было ничего впечатляющего»¹⁰, который был хорош для родного Бирмингема, но вовсе «не годился в лидеры крупнейшей мировой империи»¹¹, Невилл, побывав на постах министра здравоохранения и канцлера казначейства, смог стать премьер-министром, хотя в семье такую задачу перед ним никто никогда не ставил.

Из двух сводных братьев старший — Остин — был лучше подготовлен для политической деятельности. Собственно, его с ранних лет целенаправленно воспитывали как продолжателя и политического наследника дела отца. О нацеленности на руководящие посты в правительстве свидетельствовало полученное образование — привилегированная школа Рагби, Тринити колледж Кембриджского университета, а затем два года стажировки в Германии и Франции. Уже в 1892 г. Остин стал депутатом Палаты общин, где заседал вместе со своим отцом, а после полученного Джозефом инсульта стал фактически его представителем в парламенте и ответственным за судьбу династии.

В отличие от старшего брата, Невилла с детства готовили не для политики, а для бизнеса: в Рагби он не принимал участия в работе политических и дискуссионных клубов, изучал предметы с уклоном в предпринимательскую деятельность и продолжил учебу не в Кембридже, а в техническом колледже Бирмингема (ныне университет), штудировав без особого рвения основы металлургии, математики и техники, что позволило бы в дальнейшем работать в металлургической промышленности. Более того, из-за тяжелой для детей домашней обстановки, когда от них строго требовали соблюдения тишины, чтобы не мешать готовившемуся к выступлениям отцу, у него появилось отвращение к занятию политикой. Невилл называл отца «несчастливым человеком», который «никогда не знает, что сказать». Это замечание вряд ли справедливо, так как именно благодаря тщательной подготовке, от которой, возможно, страдали дети, речи старшего Чемберлена, как правило, поражали «строгой логичной структурой», «убедительностью аргументов, доходчивостью языка», а также «каскадом острот и иронических пассажей»¹². По окончании учебы Невилл поступил на службу в одну из ведущих фирм Бирмингема.

В молодости младший из Чемберленов пережил тяжелую драму, оставившую след на всю жизнь. Его отец, повстречавшись с губернатором Багамских островов, поверил рассказу о легком способе сколотить состояние на выращивании сизаля

⁷ Hurd D. Choose Your Weapons. The British Foreign Secretary: 200 Years of Argument, Success and Failure. London, 2010, p. 259.

⁸ Ziegler Ph. Edward Heath. London, 2010, p. 24.

⁹ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата, 1925—1945 гг. М., 1987, с. 172.

¹⁰ Broad L. The Path to Power: the Rise to the Premiership from Rosebery to Wilson. London, 1965, p. 127.

¹¹ Weisbrode K. Churchill and The King. The Wartime Alliance of Winston Churchill and George VI. New York, 2013, p. 51.

¹² Кертман Л. Е. Джозеф Чемберлен и сыновья. М., 1990, с. 131, 164.

(вид агавы, из листьев которого получали грубое волокно для канатов), который, по его словам, рос как сорняк и не требовал никакого ухода. После недолгих размышлений ответственная миссия по созданию и обработке плантации на задворках Империи — острове Андрос — была возложена отцом семейства на младшего 22-летнего сына. Это был тяжелый труд, растянувшийся на долгие шесть лет: подъем ни свет ни заря, работа до заката шесть дней в неделю. Но в итоге все закончилось неудачей: потеряв в результате пожара более 50 тыс. фунтов (что равноценно на сегодняшний день более 3,5 млн), Невилл вынужден был вернуться домой. Эта авантюра сказалась на его характере, сделав еще более замкнутым, нелюдимым, развив ощущение несостоятельности, особенно в сравнении со старшим братом, которого отдающий ему явное предпочтение отец уже с юных лет готовил к тому, чтобы стать не просто рядовым политиком, а вершителем судеб страны.

С другой стороны, это многолетнее неудачное предприятие способствовало формированию характера младшего Чемберлена, его упорству, граничившему с упрямством, благодаря чему он впоследствии заслужил репутацию «хладнокровного администратора», «упрямого и настойчивого политика»¹³, а также высокомерию, особенно по отношению к лейбористам. Как подчеркивает биограф Чемберленов Л. Е. Кертман, в этом человеке уже в начале жизненного пути было заложено много противоречивых качеств: «отвращение к политике и где-то в глубине души вынашиваемое честолюбие, замкнутость, почти враждебность в поведении... и какая-то лирическая нотка в его отношении к сестрам, музыкальность и полное отсутствие чувства ритма в устной и письменной речи»¹⁴.

В шестилетнем возрасте Невилл потерял мать, после чего и отец замкнулся и отдалился от детей. Он стал уделять им внимание лишь после того, как в третий раз вступил в брак. Что касается Остина, то он всегда относился к младшему брату покровительственно и со снисхождением, что не могло не раздражать Невилла особенно после того, как он поднялся до уровня члена правительства, а тем более — члена кабинета. Стремление избавиться от «комплекса младшего брата» стало для него той движущей силой, которая в итоге сделала этого наименее одаренного из Чемберленов и в целом довольно серого человека премьер-министром.

Что касается личных пристрастий, то годы, проведенные на Багамах и работа на плантации, не прошли для младшего Чемберлена бесследно: будучи любителем природы, он увлекся выращиванием орхидей, собрав внушительную их коллекцию. Став впоследствии премьер-министром, он полюбил загородную резиденцию Черкерс, с удовольствием проводил там уик-энды, высаживая вязы. Другой его страстью стала орнитология: он уделял ей много внимания и даже на пике карьеры публиковал в природоведческих журналах свои наблюдения за птицами и растениями. Невилл также обожал охоту и рыбалку, особенно в Шотландии. Как отмечает биограф, последняя страница «Дневника рыбака», в котором он записывал все детали своих рыбацких вылазок, наряду с температурой воздуха и воды, датирована 22 июня 1940 г.: выловив две форели, он вынужден был прервать рыбалку и срочно вернуться к заседанию военного кабинета в связи с капитуляцией Франции¹⁵.

Чемберлен также любил путешествовать, что неудивительно для любителя природы: он объездил Европу и Северную Африку, провел в 1904—1905 гг. несколько месяцев в Индии, Бирме и на Цейлоне, что противоречит мифу о причинах его провала в сфере внешней политики, который зачастую объясняют провинциальным мышлением и недостаточным знакомством с внешним миром. Позже, летом

¹³ Laybourn K. *Fifty Key Figures in Twentieth-Century British Politics*. London, 2002, p. 78.

¹⁴ Кертман Л. Е. Указ. соч., с. 200.

¹⁵ Self R. *Op. cit.*, p. 29.

1906 г. после того, как старший Чемберлен слег, Невилл стал активнее втягиваться в политику, превратившись в главного представителя отца в Бирмингеме вплоть до его смерти в 1914 г. за месяц до начала Первой мировой войны.

Женился младший Чемберлен достаточно поздно — в 41 год. Супруга Анна, происходившая из семьи с ирландскими корнями, родила ему двоих детей. Однако у нее оказалась неустойчивая нервная система, поэтому на протяжении всей своей семейной жизни Невилл был озабочен тем, как уберечь жену от нервного срыва.

Развивая мысли отца, одного из теоретиков «муниципального социализма», Невилл решил заняться благоустройством Бирмингема, став осенью 1911 г. первым председателем подкомитета по городскому планированию, а летом 1913 г. — председателем комитета, образованного для проверки условий жизни бедняков. Будучи староват для участия в Первой мировой войне, он в 1915 г. стал лордом-мэром Бирмингема (восьмым представителем семьи Чемберленов на этом посту). Невилл сыграл важную роль в развитии системы социального обеспечения, введя специальные пособия для кормящих матерей; организовал Гражданскую лигу досуга (центры для молодежи, свободные от алкоголя); разработал правила светомаскировки и создания убежищ на случай бомбардировок; а главное — добился учреждения Бирмингемского муниципального банка, для чего парламенту потребовалось принять специальный закон. Благодаря настойчивости мэра, банк был открыт в сентябре 1916 г., а к концу войны с его помощью было собрано около 350 тыс. ф.ст., 80% из которых было предоставлено государству в виде займа на военные нужды¹⁶. В 1918 г. он ввел для работников своих компаний оплачиваемый отпуск, а для инвалидов и погибших на войне — пенсии. Неудивительно, что они никогда не бастовали. В планах было также строительство для рабочих образцово-показательного поселка, дома в котором могли ими выкупаться (впоследствии из-за высокой арендной платы в этих домах селились не столько промышленные рабочие, сколько представители мелкой буржуазии). Эти меры рассматривались Чемберленом в качестве важного фактора укрепления социальной стабильности в стране.

Высказывания младшего Чемберлена в пользу «государственного социализма», создания долговременного союза между трудом и капиталом, в том числе увеличения доли трудящихся при распределении национального дохода принесли ему известность за пределами Бирмингема, способствовал резкому скачку карьеры: не проработав и двух месяцев на посту мэра после своего переизбрания, не без протекции со стороны брата Остина, занимавшего важный пост канцлера казначейства, Невилл поднялся с регионального на общенациональный уровень, став в правительстве Генеральным директором нового Департамента национальной службы. Впрочем, незнакомый с правилами работы госслужбы и еще не привыкший к интригам, не способный наладить отношения с родственными министерствами (например, министерством труда), доверявший только тем сотрудникам, которых он перетащил за собой в Лондон из Бирмингема, и проявивший административную беспомощность Чемберлен потерпел фиаско, пробыв на этом посту всего восемь месяцев. Его отношения с давним недругом семейства Чемберленов Ллойд Джорджем не сложились, ибо они были противоположными как по характеру, так и по стилю работы людьми: премьер был ближе к Черчиллю — такой же нетерпеливый и порывистый, в то время как Чемберлен не принимал решений без предварительной скрупулезной оценки всех «за» и «против». К тому же, несмотря на предупреждения своих советников, Невилл приступил к разработке плана, пред-

¹⁶ Ibid., p. 46.

усматривавшего отказ от принципа добровольности на военной службе (призыв в армию всех мужчин моложе 31 года, что означало изъятие квалифицированных рабочих даже с военных заводов). Это восстановило против него руководство профсоюзов, правительство, а также СМИ. План Чемберлена был отвергнут кабинетом, в том числе и потому что он шел вразрез с обещаниями премьера, данными профсоюзам, после чего, внося небольшие изменения, тот вновь представил его на рассмотрение. Потерпев провал во второй раз и окончательно утратив доверие премьер-министра, он вынужден был подать в отставку. Это сказалось на отношениях с братом и навсегда отравило взаимоотношения с Ллойд Джорджем. Впоследствии «валлийский колдун» довольно точно охарактеризовал Чемберлена как «человека весьма компетентного, незаменимого на вторых ролях..., но теряющегося в ситуации критической или требующей творческого подхода»¹⁷.

В отличие от Невилла, пользовавшийся авторитетом в партии Остин был в хороших отношениях с премьер-министром, связывая с ним свое будущее в правительстве (премьер оставлял его «на хозяйстве» в свое отсутствие) и закрывал глаза на постоянные попытки Ллойд Джорджа от него избавиться, отправив куда-нибудь подальше. Что до Невилла, то впоследствии младший Чемберлен отомстил Ллойд Джорджу за испытанные им унижения в должности, к которой никогда не стремился и на которую согласился лишь под давлением с его стороны, помешав тому вернуться в правительство в 1931, 1935 и 1940 гг.¹⁸

Возвратившись в Бирмингем, Чемберлен отказался от предложенного ему третьего срока на посту мэра, решив посвятить себя политике и став для начала депутатом парламента. Это удалось ему с первой попытки в 1918 г., а четыре года спустя Невилл, научившийся выступать «без шпаргалки», превратился в заметного спикера. Он зарабатывал себе имя, в том числе участвуя в работе различных парламентских комитетов, например, комитета по здравоохранению, а также регулярно встречаясь с избирателями своего округа Лейдивуд.

Осенью 1922 г. коалиции либералов и консерваторов во главе с Ллойд Джорджем пришел конец, а Остин, потеряв пост лидера партии, которую он возглавлял с весны 1921 г., оказался в оппозиции. Невилл же получил приглашение стать в правительстве консерваторов министром почт, на что, вопреки негодованию брата, ответил согласием (отказ означал бы конец его политической карьеры). Он одержал победу на осенних всеобщих выборах, но прежнее его большинство в семейной вотчине — бирмингемском избирательном округе — сократилось до 2,5 тыс. (на следующих выборах оно составило уже 1,5 тыс., а в 1924 г. и вовсе стало незначительным — всего 77 голосов, что заставило Невилла перейти в другой, более надежный округ).

Попав второй раз в правительство, младший Чемберлен быстро поднялся по карьерной лестнице: министр почт (с октября 1922 г.), министр здравоохранения (с марта 1923 г.), канцлер казначейства и правая рука премьер-министра С. Болдуина. Наконец, он вышел из тени Остина и даже превзошел брата, который в это время был назначен министром иностранных дел¹⁹. Назначению на второй по важности пост в правительстве не помешало отсутствие у него «широты взглядов, независимости суждений», присущих отцу, а также «политического чутья и лично-

¹⁷ Цит. по: *Broad L. Op. cit.*, p. 131.

¹⁸ *Self R. Op. cit.*, p. 63.

¹⁹ С именем Остина Чемберлена связано проведение в октябре 1925 г. Локарнской конференции и заключение Рейнского пакта, гарантировавшего западные границы Германии, за что он был награжден Нобелевской премией мира за 1925 г.

го обаяния» старшего брата²⁰. К тому же, замкнутый и высокомерный, он казался холодным и бесчувственным, не вызывая симпатии у кого-либо, кроме ближайших коллег.

Подобно Черчиллю, Невилл не любил и не разбирался в финансовых вопросах, поэтому стремительный (за девять месяцев) взлет его не очень уж обрадовал. Он даже высказал Болдуину на этот счет свои сомнения, однако сославшись на мнение депутатов, восхищенных его возросшим мастерством в парламентских дебатах, а также на доверие деловых кругов, тот категорически их отменил. Премьер также объяснил это назначение желанием всегда иметь под рукой доверенного человека, с которым можно посоветоваться по любым вопросам, к тому же умевшего обезоружить оппонентов демонстрацией глубокого знания проблем и железной логикой.

Однако в первый раз Невиллу довелось пробыть в должности министра финансов менее полугода, он даже не успел представить бюджет. Главным его достижением за этот короткий срок стало принятие Акта о домостроении 1923 г., предоставившего существенные финансовые льготы частным строительным компаниям. По итогам декабрьских парламентских выборов правительство тори ушло в отставку, а во главе страны впервые в ее истории встали лейбористы во главе с Р. Макдональдом. Впрочем, вскоре консерваторы вновь вернулись во власть, но не желавший прославиться в качестве посредственного канцлера Чемберлен отказался от предложения вновь возглавить министерство финансов, выбрав для себя более скромный пост министра здравоохранения. Канцлером казначейства, с его одобрения, стал менее щепетильный, никогда не переживавший по поводу отсутствия навыка и знаний в какой бы то ни было области Черчилль.

На посту министра здравоохранения Чемберлен пробыл пять лет. За эти годы (до ухода тори в отставку после поражения на выборах в 1929 г.) он успел провести в жизнь 21 из 25 пунктов своей программы, включавшей реформу пенсионной системы (снижение пенсионного возраста с 70 до 65 лет), улучшение жизни наиболее нуждающихся слоев населения (введение пособий для вдов и сирот, а также другие меры), домостроение, регистрацию браков, рождаемости и смертности, деятельность органов местного самоуправления и прочее, заслужив таким образом звание «самого эффективного министра здравоохранения межвоенного периода»²¹. Может быть, эта программа была далеко не такой масштабной, как ему хотелось, но все же она оставила заметный след в жизни британцев. А еще он не позволил канцлеру урезать расходы на здравоохранение. Продемонстрированная министром способность переиграть Черчилля, с которым они «работали в полной гармонии»²², а также мастерство в проведении через парламент предложенных его ведомством законопроектов, принесли Чемберлену популярность среди консерваторов, многие из которых стали рассматривать его как будущего лидера партии, преемника Болдуина.

Летом 1930 г. Чемберлен возглавил партию тори в качестве ее председателя. Менее года спустя ему пришлось оставить пост после неудачного вмешательства брата, вздумавшего поторопить действующего лидера партии с уходом в отставку («похлопотав» таким образом за Невилла), после чего отношение Болдуина к председателю переменилось. Хотя Чемберлену не нравилась идея создания национального (коалиционного) правительства с участием лейбористов и либералов, он вошел в него от партии тори совместно с Болдуином, Хором и Канлиф-Листером,

²⁰ Кертман Л. Е. Указ. соч., с. 324.

²¹ Self R. Op. cit., p. 106.

²² Gilbert M. Winston S. Churchill. V. V. 1922—1939. London, 1976, p. 111.

став министром финансов. Победив на парламентских выборах в 1931 г. тори получили в Палате общин 470 мест из 615.

Канцлерство Чемберлена стало четвертым по длительности среди министров финансов с 1902 г. Он проявил себя как сильный руководитель и администратор и, по мнению высшего звена министерства, «наиболее компетентный канцлер со времен Гладстона»²³. Именно при Чемберлене в 1931—1932 гг. были приняты законы, вводившие вначале временные, а затем и постоянные пошлины на импортируемые в страну товары. Другими словами, Великобритания отказалась от свободы торговли в пользу протекционизма. Благодаря его усилиям, терпению, способности находить неординарные решения удалось добиться успеха на Оттавской конференции 1932 г., защитившей рынок Британской империи преференциальными пошлинами. Таким образом, Чемберлен воплотил в жизнь то, что не удалось 30 лет назад его отцу. Трудолюбие, высокая организованность, методичность, умение провести свою волю, а также всевозрастающее влияние в правительстве сделали его, по общему мнению коллег, премьер-министром «в ожидании». Сам он в то время, если верить дневнику, не стремился стать премьером, полагая, что «это будет губительно» для его разума²⁴.

В то время как дела в стране, благодаря деятельности министра финансов, постепенно налаживались, и она выходила из депрессии, личное состояние Чемберлена приходило в упадок. Чтобы подправить финансовое положение, он даже вынужден был сдать свой дом на Итон сквер, поскольку жил в официальной резиденции канцлера на Даунинг-стрит, 11. По иронии судьбы, счастливым арендатором стал посол Германии в Лондоне фон Риббентроп.

В июне 1935 г. Макдональд ушел в отставку и премьером стал лидер тори С. Болдуин. Вместе с тем, учитывая ухудшающееся здоровье, а также отсутствие интереса к внешней политике вообще и делам в Европе в частности, он был премьером лишь формально, а на деле его функции исполнял Чемберлен. Именно последний сыграл в 1936 г. заметную роль в разрешении кризиса монархии, настойчиво подталкивая Эдуарда VIII к отречению²⁵ и переиграв в этом поддерживавшего короля Черчилля. В противостоянии с монархом канцлер оказался более твердым, чем премьер-министр: он предлагал выдвинуть королю ультиматум, угрожая отставкой правительства, если тот не отречется. Впоследствии Чемберлен приложил максимум усилий, чтобы не допустить возвращения герцога Виндзорского (Эдуарда) в страну.

Отношения Чемберлена со своим главным оппонентом — Черчиллем — складывались в разное время по-разному. Как подчеркивает биограф последнего М. Гилберт, он испытывал к возмутителю спокойствия, удачливому политику и публицисту, баловню судьбы «смешанные чувства восхищения, отвращения и подозрения»²⁶. Так, в письме к Болдуину летом 1925 г. Невилл писал: «Что за яркое создание!... Я люблю его юмор и живость, люблю его храбрость... Но ни за какие райские блага я не стал бы сотрудником его аппарата. Непредсказуемый!». И позже: «Его речи блестящи, депутаты приходят послушать его, как если бы они пришли на первоклассный спектакль в театре... говорят, что это лучшее шоу в Лондоне.

²³ *Self R. Op. cit.*, p. 194.

²⁴ Цит. по: *Broad L. Op. cit.*, p. 135.

²⁵ Эдуард VIII отрекся от престола, чтобы вступить в брак с разведенной Уоллис Симпсон, на что британское правительство не давало согласия; известен своими тесными личными контактами с руководством нацистской Германии. В 1940—1945 гг. был губернатором Багамских островов, после войны жил во Франции.

²⁶ *Gilbert M. Op. cit.*, p. 297.

К сожалению, многие относятся к его выступлениям как к шоу и не готовы в настоящее время доверять его характеру и еще менее его суждениям... Я заметил, что во всех наших спорах, касающихся работы департамента (здравоохранения), он вынужден уступать, так как его аргументы не являются обоснованными²⁷. В связи с началом публикации газетой «The Times» мемуаров Черчилля «Мировой кризис», Чемберлен пишет автору: «Я не могу решить, что достойно большего восхищения — Ваше владение языком, живость картин, которые Вы рисуете или же интерес и оригинальность предложенных Вами взглядов, подкрепленных исчерпывающими фактами. Как Вы нашли время проделать такую огромную работу — это ошарашивает меня»²⁸. Он высоко отзывался и о других публикациях Черчилля, например книге «Великие современники», которую тот презентовал не только своим друзьям, но, как выразился другой биограф Черчилля Рой Дженкинс, и «полуврагам»²⁹ — Болдуину, Чемберлену и Саймону.

После того как Черчилль ушел в оппозицию проводимому курсу, тон премьеры изменился. Так, в письме Ирвину Чемберлен пишет: «Между нашими натурами существуют слишком большие различия для того, чтобы я легко себя чувствовал рядом с ним (Черчиллем. — Н. К.) или же относился к нему с теплотой. Он является прекрасным капризным ребенком, вызывающим восхищение, но держащим в постоянном напряжении своих воспитателей»³⁰. Будучи упрямым педантом, Чемберлен считал, что на Черчилля нельзя положиться из-за его склонности к «яростному отстаиванию непродуманных идей»³¹. Тем не менее, противоположность характеров не помешала им впоследствии (на начальном этапе Второй мировой войны) успешно сотрудничать в консервативном правительстве. Чемберлен даже сделал Черчилля фактически своим заместителем по вопросам обороны (но без сопутствующих должности полномочий), возможно, в целях его «умиротворения»³².

Со своей стороны, симпатизировавший больше Болдуину, нежели Чемберлену Черчилль отзывался о премьере как о человеке «высокоталантливом», «способном и энергичном»³³ и не позволял себе личных нападок на последнего, тем более тогда, когда тот возглавил партию и страну. Желая вернуться в правительство, подчеркивал В. Г. Трухановский, он «становился все более и более осторожным и старался не раздражать руководство консервативной партии»³⁴, критикуя политику, но не ее главного разработчика и проводника. Свое истинное отношение к Чемберлену он высказал в узком кругу уже после его смерти, охарактеризовав покойного как «наиболее узколобого, невежественного и скупого», «не знавшего ничего ни о войне, ни о Европе, ни о внешней политике» человека³⁵.

Другой британский премьер Г. Макмиллан, отмечая спесивость и «безусловное интеллектуальное высокомерие... величайшего администратора мирного времени»³⁶, ставшее у него почти манией, подчеркивал: «С ним всегда было трудно спорить, так как он редко уступал и обычно бывал непреклонен. Он знал, что прав по каждому вопросу... У Чемберлена был ясный, логичный и иногда безжалостный разум. Он никогда не стремился соглашаться даже со своими сторонниками, что

²⁷ Ibid., p. 132, 181.

²⁸ Ibid., p. 229.

²⁹ Jenkins R. Churchill. London, 2001, p. 510.

³⁰ Gilbert M. Op. cit., p. 297.

³¹ Цит. по: Dilks D. Churchill and Company. Allies and Rivals in War and Peace. London, 2012, p. 24.

³² Weisbrode K. Op. cit., p. 109.

³³ Черчилль У. Вторая мировая война. Том I. Надвигающаяся буря. М., 1955, с. 206.

³⁴ Трухановский В. Г. Уинстон Черчилль. М., 1982, с. 272.

³⁵ Цит. по: Gilbert M. *Finest Hour*. Winston S. Churchill, 1939—1941. London, 1983, p. 1122.

³⁶ Macmillan H. *The Blast of War, 1939—1945*. New York, 1967, p. 47.

уж говорить об оппонентах. Никогда не разделял дух товарищества Палаты общин. Доктор Джонсон³⁷ говорил о таких — «неклубный человек»³⁸.

Если на внутреннем фронте Невилл Чемберлен проявил себя как эффективный и компетентный руководитель, социальный реформатор, стремящийся вырвать инициативу из рук лейбористов, то в сфере внешней политики, в которой, по словам сводного брата, совершенно не разбирался, он потерпел полный провал. Впрочем, замечание Остина о его некомпетентности, сделанное в 1936 г., было расценено Невиллом как проявление ревности со стороны брата, оказавшегося в итоге менее удачливым.

Чемберлен определял не только внешнюю, но и британскую военную политику 1930-х годов. Будучи канцлером, он сдерживал перевооружение страны. Средства на него выделялись немалые, но избирательно, а темпы перевооружения были далеки от тех, которых настойчиво требовали Черчилль, Дафф Купер, а позже — Иден. Чемберлен ошибочно полагал, что усиления и перевооружения Королевских военно-воздушных сил, подкрепленного заключением соглашения о взаимных гарантиях между Великобританией, Францией, Польшей и Чехословакией будет достаточно, чтобы обеспечить британские интересы и мир в Европе. Считая, что основная тяжесть ведения сухопутных операций должна лечь на плечи главного союзника — Франции, а британское участие будет состоять в установлении морской блокады и действиях авиации, канцлер противился созданию британского экспедиционного корпуса (в первой половине 1930-х годов такая задача вообще не ставилась), и к этой идее вернулись только в начале 1939 г. в связи с ухудшением международной ситуации.

26 мая 1937 г. Невилл Чемберлен поднялся на верхнюю ступеньку власти в стране, став премьер-министром. Ему было 68 лет — возраст весьма почтенный. Тем не менее, новый премьер демонстрировал собранность, организованность, энергию, чем отличался от предыдущего в лучшую сторону. Необходимости объявлять парламентские выборы не было, а учитывая огромное большинство, которым располагала консервативная партия в Палате общин, Чемберлен мог не бояться нападков Черчилля.

Как подчеркивал И. М. Майский, за три года своего премьерства Невилл Чемберлен совершил «столько роковых ошибок и даже преступлений, что в памяти человечества (а не только Великобритании) остался зловещим монстром, которого оно долго не забудет»³⁹. Может быть в этом утверждении и есть некое преувеличение, но видный советский дипломат прав в том, что имя Чемберлена навечно связано с политикой «умиротворения» и Мюнхенским сговором, что в свою очередь стало синонимом позора и капитуляции перед лицом агрессора, и что еще хуже — с циничным принесением в жертву малых стран. Если до Чемберлена, отмечает Ф. Макдонахью, «умиротворение» имело положительный оттенок, означая снижение напряженности, то после стало ассоциироваться с такими понятиями, как «откупиться» и «пожертвовать принципами» ради того, чтобы угодить «потенциальному агрессору»⁴⁰.

Несмотря на ожидания, больших перестановок в кабинете не было. Но в Форин офис, которому премьер отводил второстепенную роль в проведении внешней политики, были отправлены в отставку чиновники, настроенные антигермански,

³⁷ Джонсон Сэмюэл — известный английский литературный критик, поэт эпохи Просвещения, чье имя стало в англоязычном мире синонимом второй половины XVIII в.

³⁸ Parliamentary Sauce. Compiled by Greg Knight. London, 1993, p. 34.

³⁹ Майский И. М. Указ. соч., с. 332.

⁴⁰ McDonough F. Op. cit., p. 2.

например, постоянный заместитель министра иностранных дел Р. Ванситтарт (последовательный противник нацистского режима), который был заменен А. Кадоганом. Впоследствии, в январе 1939 г., убедившись в правильности предсказаний Ванситтарта о ходе событий в Европе, его все же пригласили участвовать в работе комитета по внешней политике при кабинете. По словам биографа Идена Рэндольфа Черчилля, министр также хотел сместить Ванситтарта, так как тот якобы запятнал себя соглашением Хора — Лавалья⁴¹. Скорее, это был удобный предлог для прогерманских кругов, чтобы избавиться от политических противников проводимого курса: с помощью интриги руками министра вначале отправляют в отставку его постоянного заместителя, а потом уже и его самого. Были также произведены перестановки в комитете по делам прессы, чтобы смягчить ее тон в отношении Германии. Все это свидетельствовало о намерении премьер-министра убрать препятствия на пути осуществления политики «умиротворения».

Одним из первых распоряжений Чемберлена на посту премьера стало поручение комитету по оценке потребностей в области обороны под председательством Т. Инскипа составить список приоритетов в рамках выделенных министерством финансов 1,5 млрд ф.ст. В результате этой работы потребности армии были задвинуты на второй план, а от идеи отправки на континент на начальном этапе войны пяти дивизий отказались. Впрочем, две дивизии все же предполагалось отправить, но не во Францию, а в Египет, что подтвердило подозрения французов, относительно намерения британских союзников «сражаться до последней капли французской крови»⁴². Таким образом, армия по-прежнему пребывала в положении Золушки. Осенью 1938 г. военные выступили с предложением о формировании шести дивизий для Европы, но оно было Чемберленом отвергнуто в пользу авиации. Вместе с тем, расходы на перевооружение были все же увеличены, составив в 1939 г. более 21% ВВП. Впоследствии (летом 1940 г.) британские военные возлагали ответственность за тяжелое положение и неготовность армии к войне именно на Чемберлена, который, по их словам, «морил вооруженные силы голодом»⁴³.

Военная слабость Британии и превосходство агрессоров, которым способствовал сдерживавший перевооружение Чемберлен, были для него, в свою очередь, важными аргументами в пользу проведения политики «умиротворения». Не доверяя аппарату Форин офис, новоиспеченный глава правительства обратил все свое внимание на внешнюю политику, заявив, что берет ее в свои руки. Премьеров, которые руководили внешней политикой и добивались при этом успеха, в истории Великобритании было немало. Достаточно назвать такие имена, как Дизраели, Гладстон, Ллойд Джордж, Черчилль, из более поздних — Тэтчер и Блэр. Однако интриги против министра иностранных дел и его ведомства, если и приводили к успеху, то весьма кратковременному. В подавляющем большинстве случаев (сюда входит и Чемберлен) это заканчивалось провалами, сопровождавшимися серьезными последствиями.

Главными внешнеполитическими направлениями для Н. Чемберлена становятся фашистские Италия и Германия. Стремление премьера установить дружеские отношения с диктаторами опиралось на мнение британских военных, а также казначейства, полагавших, что страна должна готовиться к длительной войне в будущем, и что серьезность момента требует концентрации всех сил, а не нового кризиса, который может случиться из-за масштабного увеличения военных расходов. Убежденный в огромном превосходстве «умиротворения» над любыми альтер-

⁴¹ Churchill R. The Rise and Fall of Sir Anthony Eden. New York, 1959, p. 124.

⁴² Ibid., p. 254.

⁴³ Gilbert M. Finest Hour. Winston S. Churchill..., p. 659.

нативными вариантами, Чемберлен сделал его своим приоритетом, всецело положившись на свободную от традиционных для Форин офис формальностей личную дипломатию и свои, граничащие с «гениальностью», «уникальные способности» переговорщика, которые очень сильно переоценивал. Имея, согласно Черчиллю, «свое законченное мнение обо всех политических деятелях того времени в Англии и в других странах», он был уверен, что сможет договориться с любым из них; он «всегда был готов оспаривать очевидные факты и идти на огромный риск для себя лично и страны»⁴⁴, полагая, что ни Муссолини, ни Гитлер не посмеют повернуть против западных демократий, которые и так идут навстречу их стремительно возрастающим аппетитам. При этом он считал излишним посвящать в детали переговоров с иностранными лидерами, дипломатами и неофициальными лицами членов кабинета.

В письме сестре упрямый и властный, возмнивший себя «арбитром во всех возникших разногласиях»⁴⁵, примеряющий лавры «великого миротворца», Чемберлен писал: «Я абсолютно убежден в правильности проводимого курса, и поэтому нападки критиков не могут оказать на меня никакого влияния»⁴⁶. Его доморощенная дипломатия являлась повторением того, что когда-то делал отец — Чемберлен предпочитал тайные переговоры подобно совладельцу фирмы, который неофициально договаривается со своими партнерами, только это привело к тяжелейшим последствиям для страны и всего мира.

Теоретически существовало три способа сохранения мира: с помощью системы коллективной безопасности через Лигу Наций; путем создания альянса с готовыми дать отпор фашистской агрессии странами (в том числе Советским Союзом), а также с помощью проведения политики «умиротворения», что позволяло лишь отсрочить конфликт. Не веривший в способности Лиги Наций создать надежный барьер на пути агрессора (она оказалась бессильной помешать захвату Италией Абиссинии, не заметила поглощения Германией Австрии), не желавший по идеологическим соображениям вступать в союз с Москвой, в отношении «целей и военной мощи» которой он имел «глубокие подозрения», а также считая, что это сделало бы «любые переговоры и обсуждения с тоталитарными державами очень трудными, если вообще возможными»⁴⁷ и лишь приблизило бы войну, Чемберлен выбрал более понятный и приемлемый для него третий путь. Что касается бессилия Лиги Наций в предотвращении агрессии, то оно вполне объяснимо ввиду двуличия политики самой Великобритании: собственное и мировое общественное мнение убеждали в решимости дать отпор агрессору, на деле же делалось все, чтобы его не раздражать.

Вместе с тем, политика «умиротворения» не была детищем одного Чемберлена: его огромное самомнение и уверенность в правильности избранного пути опирались на поддержку ближайших коллег-единомышленников — канцлера Саймона, министра внутренних дел Хора; главы Форин офис Галифакса, терпевшего бесцеремонное вмешательство в работу своего ведомства главного промышленного советника премьера Г. Вильсона, пользовавшегося «огромным и пагубным»⁴⁸ на него влиянием и игравшего роль личного дипломатического посланника главы правительства; возглавлявшего пресс-службу, автора многих речей Чемберлена Дж. Болла; парламентского заместителя министра иностранных дел Р. Батлера; личного парламент-

⁴⁴ Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 206.

⁴⁵ Macmillan H. Op. cit., p. 11.

⁴⁶ Self R. Op. cit., p. 304.

⁴⁷ Gilbert M. Winston S. Churchill..., p. 1073.

⁴⁸ Paxman J. The Political Animal. An Anatomy. London, 2002, p. 197.

ского секретаря и будущего британского премьера лорда Дангласа (Дугласа Хьюма), а также посла в Берлине Н. Гендерсона. Мнение Форин офис доносил министру иностранных дел его влиятельный постоянный заместитель А. Кадоган, производивший оценку информации, поступающей из разных источников — посольств, британских дипломатов за рубежом, а также от разведки. Как отмечает Дилкс, необходимость перехода к переговорам с Италией, например, «поддерживали почти все высшие чиновники Форин офис» и члены кабинета, за исключением Идена (самого министра. — *Н. К.*)⁴⁹. Да и в стране сторонников «умиротворения агрессоров» было достаточно много, особенно в высшем обществе, которое «испытывало глубокую враждебность к коммунизму и очень мало энтузиазма в отношении Лиги Наций, и было убеждено, что цели Гитлера не простираются дальше ревизии Версальского договора». «Умиротворение стало своего рода модой»⁵⁰.

Не отличаясь благородством и быстро поднаторов в интригах, Чемберлен вступил в борьбу с противниками политики «умиротворения» внутри страны, используя для этого как собственную службу агентов и информаторов, так и СМИ, которыми искусно манипулировал, создавая впечатление широкой общественной поддержки проводимого курса. Согласно указаниям премьера, внимательно отслеживались настроения членов кабинета, руководства лейбористской партии, а также Черчилля, Идена и других его оппонентов, вплоть до их прослушки⁵¹. Премьер также полностью игнорировал данные разведки, поступавшие в Лондон из разных источников, в том числе и от германских военных, но из-за межведомственной конкуренции не дававшие четкой картины происходящего и, следовательно, создававшие возможности для манипуляций. К тому же, информация о планах Гитлера в Европе, в том числе относительно Британии, порою казалась настолько невероятной и расходившейся с представлениями Чемберлена и его ближайшего окружения, что к ней не относились со всей серьезностью, предпочитая просто игнорировать, благо в этом потоке всегда можно было выбрать что-то менее пугающее. Впрочем, даже если бы он не был «некомпетентен и слеп» и мог правильно оценить поступающую развединформацию, это мало бы что изменило: получаемые данные, говорящие о стремительном росте германской угрозы, действовали на Чемберлена противоположным образом — «усиливая беспокойство, парализуя, а, в общем, заставляя форсировать “умиротворение”»⁵².

Поначалу основные усилия премьер сосредоточил на Италии, сотрудничество с которой рассматривал в качестве противовеса германской угрозе. Его сводный брат с супругой обеспечивали дополнительный канал связи с Муссолини, дружеские отношения с которым были ими установлены еще в период конференции в Локарно. Невилл полагал, что, сочетая кнут и пряник (удерживая Италию от дальнейшей агрессии угрозой возмездия со стороны Парижа и Лондона и в то же время задабривая ее возможностью подачи за счет Абиссинии), Муссолини удастся «оторвать» от Гитлера. Нежеланием озлоблять Рим объясняется вялая реакция Лондона на агрессию Италии в Абиссинии, стремление избежать введения санкций на поставку ей нефти, что Чемберлен объяснял позицией Парижа. Это было малоубедительно, так как игравшая главную роль в англо-французском тандеме Великобритания при желании могла склонить своего союзника к принятию самых решительных мер. В свою очередь, как отмечает в мемуарах Черчилль, встретив

⁴⁹ *Dilks D.* Op. cit., p. 251.

⁵⁰ *McDonough F.* Op. cit., p. 97.

⁵¹ *Aldrich R.J., Cormac R.* The Black Door. Spies, Secret Intelligence and British Prime Ministers. London, 2016, p. 74.

⁵² *Ibidem.*

такую реакцию со стороны Лондона, Муссолини, «подобно Гитлеру... считал Британию запуганной, слабой старухой, способной в худшем случае только пошуметь, но неспособной вести войну»⁵³.

Премьер буквально «преследовал Муссолини»⁵⁴, настойчиво добиваясь дружбы с «гангстером» и вступив с ним в тайные переговоры через итальянского посла в Лондоне Дино Гранди. При этом он закрывал глаза на явно антибританскую политику Рима, которая стала очевидной уже в ходе гражданской войны в Испании, а тем более подтвердилась позже — после Мюнхена. Отдавая предпочтение тайной дипломатии, он действовал за спиной не только Идена, но и сменившего его на посту главы Форин офис Галифакса, так как был уверен, что министерство только «мешает его попыткам начать переговоры с Германией и Италией»⁵⁵. Другими его эмиссарами были сестра Ида, неоднократно встречавшаяся с Муссолини и Чиано и передававшая им тайные послания брата, а также Гранди. В свою очередь, итальянская сторона относилась к переговорам с британским премьером «с высокомерием и надменностью», рассматривая его настойчивые попытки как «свидетельство декаданса» Британии. «Чемберлен более заинтересован в достижении соглашения, чем мы, — записал в своем дневнике Чиано. — На эту карту он поставил свое политическое будущее, а, возможно, и будущее консервативной партии»⁵⁶. Намеченный во что бы то ни стало заключить дружественный союз с Италией вопреки противодействию министра, Чемберлен даже опустился до фабрикации совместно с Гранди письма, якобы от итальянской стороны, с предложением приступить к переговорам по этому вопросу⁵⁷ — случай беспрецедентный в дипломатической практике и совершенно невероятный!

Что касается Германии, которая к лету 1937 г. стала главным объектом политики «умиротворения», то и здесь Чемберлен уповал на установление личных контактов, которые, как он полагал, помогут решить все вопросы двусторонних отношений. «Английское правительство, — сообщал в Берлин посол Германии в Лондоне Герберт фон Дирксен в июле 1938 г., —... сделало поиски компромисса с Германией одним из существеннейших пунктов своей программы»,... проявляя по отношению к ней «такой максимум понимания, какой только может проявить какая-либо из возможных комбинаций английских политиков»⁵⁸. Прояснение позиций по вопросам англо-германских отношений состоялось в ходе поездки Галифакса в октябре 1937 г. на международную охотничью выставку в Берлин. В беседе с Гитлером, которого он по ошибке вначале принял за лакея, главным посылом британской стороны было согласие на изменение европейского порядка в интересах Германии, но только путем «мирной эволюции», чтобы «избежать далеко идущих потрясений»⁵⁹. Ремилитаризация Рейнской зоны, захват всей Чехословакии и другие действия агрессора покорно воспринимались Лондоном как *fait accompli*, что не предполагало ответных военных шагов. Таким образом, стратегия Чемберлена состояла в «сдерживании и дипломатии, но не в боевых действиях»⁶⁰. Он не понимал фанатизма и агрессивности фашистского тоталитаризма, ошибочно полагая, что Гитлер и Муссолини, которых считал хотя и опасными, но рациональными поли-

⁵³ Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 156.

⁵⁴ The Reconciling. The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon. Boston, 1965, p. 15.

⁵⁵ Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 225.

⁵⁶ Цит. по: The Reconciling. The Memoirs of Anthony Eden, p. 13.

⁵⁷ Aldrich R.J., Cormac R. Op. cit., p. 75.

⁵⁸ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, в 2-х т. М., 1948, т. II. Архив Дирксена (1938—1939 гг.), с. 33.

⁵⁹ McDonough F. Op. cit., p. 51.

⁶⁰ Aldrich R.J., Cormac R. Op. cit., p. 71.

тиками, боятся конфликта и хотели бы его избежать. Сам Галифакс был довольно скептичен, однако Чемберлен расценил состоявшиеся в Германии переговоры как «большой успех»⁶¹. В этом премьеру поддерживал и британский посол в Берлине Н. Гендерсон, являвшийся его единомышленником и считавший себя не столько дипломатом, сколько личным представителем премьера в Германии⁶². Часто общаясь с Герингом и принимая на веру его заверения в добрых намерениях германской верхушки, посол направлял в центр бодрые депеши, укреплявшие уверенность Чемберлена в правильности избранного им пути «умиротворения». Эта уверенность была настолько твердой, что ее не поколебала ни уловка МИ-5, которая в целях приведения премьера в чувство сознательно выделила в одном из своих докладов отпускаемые в его адрес нецензурные выражения Гитлера, ни информация о перехваченном разговоре Риббентропа с послом Японии в Берлине, в котором прямо сообщалось о намерении фюрера развязать войну с Британией⁶³.

Чемберлен понимал невозможность защиты британских колониальных владений в Азии и ЮВА, а также доминионов от агрессии со стороны Японии без американской помощи, в желании оказания которой Вашингтоном испытывал большие сомнения. К Рузвельту он относился с «презрением и отвращением», что было связано с борьбой по вопросу урегулирования британских военных долгов, а также обострением англо-американских противоречий после Оттавской конференции. Опыт США в преодолении последствий мирового экономического кризиса, в частности, «Новый курс» американского президента Чемберлен охарактеризовал как «пример того, чего следует избегать в экономической политике»⁶⁴. К тому же, считая Рузвельта «ненадежным»⁶⁵, он стремился по мере возможности сохранить отношения с Токио, особенно после 1937 г., когда обстановка в Европе становилась все более угрожающей. Чемберлен не пытался противостоять японской агрессии на Дальнем Востоке и был против введения коллективных экономических санкций против Японии, мотивируя это неготовностью США отказаться от изоляционизма — предлог несостоятельный, так как в пользу противоположного свидетельствовало, в частности, известное письмо озабоченного ухудшением международной обстановки Рузвельта от 12 января 1938 г. с предложением провести международную конференцию с целью принятия согласованных принципов международного поведения (предлагалось добиться от агрессоров сокращения вооружений в обмен на обеспечение им равного доступа к мировым сырьевым запасам). Предложение говорило о готовности президента играть более активную роль в европейских делах. Однако, «самодовольный» Чемберлен отвел «руку, протянутую ему через Атлантический океан» из-за опасений, что это может оскорбить диктаторов в момент, когда Лондон, как он полагал, имеет чудесную возможность заключить соглашение с Италией, продемонстрировав тем самым, по словам Черчилля, «потрясающее отсутствие чувства меры и даже инстинкта самосохранения» у «человека, которому были вверены судьбы нашей страны»⁶⁶.

Этот эпизод стал одной из причин ухода в отставку с поста главы Форин офис Идена. Его место занял Галифакс, относившийся с «толстокожим безразличием» к

⁶¹ Document 10. Chamberlain to Ida Chamberlain. 26 November 1937 — *McDonough F.* Op. cit., p. 167.

⁶² Аналогичную роль во Франции играл британский посол Э. Фиппс.

⁶³ *Aldrich R. J., Cormac R.* Op. cit., p. 82.

⁶⁴ *Self R.* Op. cit., p. 190, 207.

⁶⁵ *Jenkins R.* Op. cit., p. 555.

⁶⁶ *Черчилль У.* Указ. соч., т. 1, с. 236.

вмешательству премьер-министра⁶⁷, с которым у него практически не было расхождений (во всяком случае до Мюнхена) по вопросам внешней политики. Любопытный образец двуличия Чемберлена приводит в этой связи его коллега Дафф Купер: делая вид, что он подобно другим членам кабинета выступает против отставки Идена, премьер на самом деле уже проинформировал Гранди о своем намерении избавиться от главы Форин офис как можно скорее⁶⁸. Поскольку пресса тщательно контролировалась, отставка министра не вызвала широкого резонанса.

Впрочем, намеренный вернуться в правительство, Иден довольно быстро восстановил свои отношения с премьером, в отличие от Черчилля, который к концу 1938 г. оказался в парламенте в большей изоляции, чем когда-либо за девять лет пребывания в оппозиции. Его заявления и предсказания (в том числе о слабости британских вооруженных сил, о растущей мощи германской авиации, о намерениях Гитлера в отношении Чехословакии, об угрозе Британии и империи, а также другие) сбывались с пугающей регулярностью, превращая главного оппозиционера в подобие Кассандры. Парадоксально, но это только отпугивало от него депутатов-тори, предпочитавших обманываться вместо того, чтобы посмотреть правде в глаза, в то время как в обществе наблюдались противоположные настроения.

К лету 1938 г. премьер-министр осуществлял полный контроль за внешней политикой, по существу устранив от ее обсуждения кабинет и всецело полагаясь на свое ближайшее окружение, которое поддерживало его неоправданный оптимизм. Членов кабинета, заседания которого ввиду чрезвычайности ситуации стали частыми, лишь ставили в известность о тех или иных шагах премьера. Отметая информацию о намерениях Германии, противоречившую его собственному мнению, он развил бешеную дипломатическую активность, взяв на себя осуществление курса на «умиротворение», не считая необходимым детально обсуждать свои действия также с ближайшим союзником — Францией, которая послушно следовала в фарватере британской политики. Наиболее ярко это проявилось впоследствии, когда за спиной союзника британская сторона затеяла тайные переговоры с Берлином, в том числе и через посредников, о «всеобъемлющем урегулировании».

Безусловно, апофеозом политики «умиротворения» и венцом политической карьеры Чемберлена стала Мюнхенская конференция или Мюнхенский сговор, решивший вопрос Чехословакии. Премьер исходил из того, что Британия и Франция не будут защищать Чехословакию, если Гитлер решит на нее напасть. Любопытно, что в марте 1938 г. он поручил военным оценить такую ситуацию, распорядившись при этом «исключить из расчетов Советский Союз». Неудивительно, что в подготовленном докладе говорилось о том, что Германия нанесет поражение Чехословакии за пару недель, а восстановить страну в ее нынешней форме удастся только в результате длительной и кровавой войны в Европе⁶⁹. Не более нескольких недель отводили годом позже и Польше в случае нападения на нее Германии⁷⁰. Опираясь на полученное заключение, премьер смог довольно легко добиться от членов кабинета поддержки своего курса в чехословацком вопросе. Создавая видимость «беспристрастности» Лондона, а на самом деле в целях подготовки передачи Судетской области Германии 3 августа 1938 г. в Прагу направили «посредника» — лорда Ренсимена.

⁶⁷ *Self R.* Op. cit., p. 292.

⁶⁸ *Churchill R.* The Rise and Fall of Sir Anthony Eden, p. 134.

⁶⁹ *McDonough F.* Op. cit., p. 59.

⁷⁰ Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ), Английский государственный архив (ИДА), ф. 836, оп. 3, д. 9, л. 36.

Свою задачу Чемберлен видел следующим образом: урегулировать чехословацкий вопрос с Гитлером полюбовно, без войны, изолировав Прагу от ее единственного надежного союзника — Советского Союза, готового прийти ей на помощь при условии выполнения Парижем своих обязательств. Это было доведено до сведения французов и британцев уже 3 сентября. Однако помощь Москвы представлялась Чемберлену крайне нежелательной: она могла привести к войне, в которую будут втянуты Франция, связанная с Чехословакией договорными обязательствами об оказании помощи в случае агрессии, а за ней Британия, Италия и Япония, что, как он опасался, в итоге приведет к уничтожению Британской империи и лишит страну статуса великой державы.

Таким образом, главным для Чемберлена было любой ценой избежать войны. Вместо того, чтобы объединив усилия с Москвой и Парижем, защитить Чехословакию, «все время подчеркивалось двуличие Советского Союза и его вероломство, — писал Черчилль. — Советские предложения фактически игнорировали. Эти предложения не были использованы для влияния на Гитлера, к ним отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало»⁷¹. На всякий случай, в целях сдерживания Берлина Чемберлен хотел создать у него впечатление, что Британия может прийти на помощь Праге (пусть «гадают», как она поступит). Эта задача, как известно, оказалась для него непосильной.

Свое решение отправиться на встречу с Гитлером в качестве посредника (plan “Z”) премьер объяснил желанием сыграть на его слабых струнах: такой неожиданный ход, сделанный в критический момент, по его замыслу должен был польстить диктатору. В свой план он посвятил только членов «внутреннего кабинета»: Саймона, Галифакса и Кадогана, чуть позже Хора, из-за чрезвычайности ситуации времени обсуждать его на заседании, а также с французами, не было. Лишь после отправки письма адресату Чемберлен сообщил о плане “Z” ошеломленным членом кабинета. Его визит в Германию — первый пример «челночной дипломатии» — был ими одобрен⁷².

Отправившись 15 сентября в Берхтесгаден (это был его первый полет за рубеж) в сопровождении Г. Вильсона и У. Стрэнга, Чемберлен ощущал себя буквально «спасителем человечества». Он, как отмечает Иден, искренне верил в то, что добьется «глобального умиротворения»⁷³. Ошибаясь в главном, этот доморощенный дипломат совершает еще целую цепь ошибок: встретившись с Гитлером, который выглядел, по его словам, «не впечатляюще»⁷⁴, на его территории он сам выбирает беседу с ним с глазу на глаз, без своего переводчика. «Очевидно, — пишет Майский, — его мнение о порядочности Гитлера было столь непоколебимо, что он считал возможным положиться на переводчика с немецкой стороны»⁷⁵, оказавшись от нее, таким образом, в полной зависимости. К тому же, впоследствии он вынужден был опираться на свою память, так как Риббентроп отказался предоставить ему стенограмму беседы, которая длилась в течение трех часов⁷⁶. (На следующей встрече Чемберлена уже сопровождал первый советник британского посольства в Берлине Айвон Киркпатрик). При этом Гитлер смешал все расчеты премьера, с ходу отвергнув его намерение прояснить германо-британские отношения и сразу

⁷¹ Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 281.

⁷² CAB 38/38. Cabinet Meeting 14 September, 1938, p. 3, 25.

⁷³ The Reckoning. The Memoirs of Anthony Eden, p. 33.

⁷⁴ CAB 39/38. Cabinet Meeting 17 September, 1938.

⁷⁵ Майский И. М. Указ. соч., с. 354.

⁷⁶ Parkinson R. Peace for Our Time. Munich to Dunkirk — the Inside Story. New York, 1971, p. 28.

перейдя к Судетскому вопросу, к чему тот оказался не готов. С помощью тактики «устрашения» — давления на повышенных тонах (крика, брани, угроз расторгнуть англо-германское морское соглашение, прервать переговоры и начать военные действия)⁷⁷, перемежающегося моментами спокойного, примирительного тона — он виртуозно переиграл находящегося в невыгодной позиции Чемберлена, по существу продиктовав ему свои условия в ультимативной форме.

Ошеломленный премьер, тем не менее, вернулся в Лондон в хорошем настроении, поверив, что произвел на Гитлера «сильное впечатление» (а позже — что он является в Германии самым популярным политиком): эта грубая лесть германской стороны была цинично рассчитана на то, чтобы сыграть на его тщеславии. Расчет оказался верным. Вообразив, что «обладает особым пониманием характера Гитлера и умением проникательно определять границы действий Германии»⁷⁸ Чемберлен ставит в известность о ходе переговоров членов кабинета. При этом в свое оправдание он уверенно заявляет о том, что Гитлеру можно доверять и что передача Судетской области удовлетворит его аппетиты⁷⁹. В итоге дискуссии, временами достаточно острой (оппонентами премьера, настроенными на прекращение уступок, были Дафф Купер, Стэнли, Эллиот, Инскип и некоторые другие), большинство соглашается с главой кабинета: требования Гитлера принять (проконсультировавшись с Францией), Чехословакия не стоит того, чтобы из-за нее начинать войну.

На встрече премьера с Даладьё 17—18 сентября стороны согласились, как пишет Черчилль, что «с чехами не нужно консультироваться. Их нужно поставить перед свершившимся фактом решения их опекунов»⁸⁰. Союзники ставят перед собой задачу оказать «дружеское давление» (в действительности — грубое) на правительство Чехословакии, «убедив» его (считай — заставив) пойти на уступки Гитлеру, причем, не теряя времени на проведение бесполезного плебисцита. Даладьё стремился любой ценой удержать Германию от вторжения в Чехословакию, чтобы избежать выполнения договорных обязательств по оказанию помощи Праге⁸¹. При этом его позиция имела свои нюансы: он считал необходимым, несмотря на срочность, все же получить согласие Совета Министров. Результаты англо-французских переговоров не обсуждались, а лишь были доведены до сведения членов британского кабинета. При этом премьер сознательно обманул коллег, а также руководство лейбористской партии⁸², объяснив свою готовность идти на уступки в Судетском вопросе твердым нежеланием Франции выполнять свои обязательства перед Чехословакией, учитывая якобы плачевное состояние французских вооруженных сил. 19 сентября Праге было сообщено решение Лондона и Парижа: «сохранение мира и обеспечение жизненных интересов Чехословакии не может быть эффективно достигнуто без передачи этих территорий (Судетской области. — Н. К.) Рейху», причем без плебисцита, так как его трудно будет осуществить⁸³. В то же время (без ведома кабинета) Чехословакию фактически поставили перед выбором: или она идет навстречу требованиям Гитлера или окажется в состоянии войны с Германией без поддержки западных союзников. Безусловно, в Лондоне не могли не подозревать, что поглощением Судетской области Гитлер не ограничится, и что захват

⁷⁷ Членам кабинета премьер заявил, что «признаков безумия у Гитлера он не обнаружил, только очень сильное возбуждение» — CAB 39/38. Cabinet Meeting 17 September, 1938, p. 9.

⁷⁸ Черчилль У. Указ. соч., т. I, с. 314.

⁷⁹ CAB 39/38. Cabinet Meeting 17 September, 1938, p. 12.

⁸⁰ Черчилль У. Указ. соч., т. I, с. 278.

⁸¹ CAB 38/38. Cabinet Meeting 14 September, 1938, p. 4.

⁸² CAB 40/38. Cabinet Meeting 19 September, 1938, p. 1.

⁸³ Ibid. Appendix.

Чехословакии приведет к усилению германской агрессии в Европе, однако об этом старались не думать, поскольку Германия устремлялась в нужном направлении — на Восток, так что непосредственной угрозы Британии нет. Прагу принуждали к смирению, покупая мир для себя, мир любой ценой.

Удержав опасавшееся «советизации» страны чешское руководство от сопротивления (при том, что вооруженные силы Чехословакии были равны германским), Чемберлен ожидал, что на встрече с Гитлером в Годесберге 22 сентября будет обсуждать конкретные детали передачи Судетской области, и оказался совершенно не готов к тому, что тот взвинтит требования в отношении Праги (расширив территориальные притязания и сократив сроки — «немедленно»)⁸⁴. Пока они обсуждали вопрос о границах, склонившись над картой, германская сторона применила еще один эффективный прием: переговоры постоянно прерывались донесениями Гитлеру о происходящих в Судетах столкновениях с многочисленными жертвами среди немцев, что впоследствии оказалось полным вымыслом. Это создавало соответствующий фон, еще более усиливая давление на Чемберлена. Ошарашенный Годесбергским меморандумом, который по существу был ультиматумом, сумев 24 сентября выторговать у Гитлера только одну уступку — в отношении сроков (завершить эвакуацию к 1 октября)⁸⁵ и взяв на себя обязательство лично «приложить все усилия к тому, чтобы меморандум был принят»⁸⁶, премьер вернулся в Лондон, а в переговорах возникла пауза.

Теперь Чемберлену предстояло убедить членов кабинета в необходимости и неизбежности принятия Годесбергского меморандума, а также в том, как он выразился, что Гитлер «не посмеет сознательно обмануть человека, которого уважает и с которым ведет переговоры». На заседании 24—25 сентября премьер еще раз напомнил о своей «способности влиять на Гитлера, который ему доверяет и хочет работать вместе»⁸⁷. Однако на этот раз глава Форин офис Галифакс, поддержанный большинством членов кабинета (на стороне премьера оказалось только три человека) подверг сомнению целесообразность дальнейших уступок, предложив поддержать Францию, если она решит выполнить свои договорные обязательства в отношении Чехословакии⁸⁸.

На состоявшейся в тот же день встрече с французами британский премьер «фактически убедил» Даладьё не противоречить Гитлеру в его «просьбе о последнем вторжении»⁸⁹. На вечернем заседании кабинета 25 сентября Чемберлен проинформировал присутствующих о своей идее — написать Гитлеру письмо с предложением провести конференцию для окончательного урегулирования Чехословацкого вопроса, которое доставит ему Г. Вильсон. При этом он вовсе не собирался выполнять требование членов кабинета, чтобы в устном заявлении его посланник жестко обозначил намерение Британии поддержать Францию и Чехословакию в случае, если последнее англо-французское предложение будет отвергнуто Прагой, а Гитлер вторгнется в Чехословакию⁹⁰. Хорошо зная Чемберлена и его склонность к хитроумным маневрам, Галифакс решил открыто заявить о позиции своего ведомства, опубликовав 26 сентября пресс-релиз, в котором подтверждалась твердая

⁸⁴ CAB 42/38. Cabinet Meeting 24 September, 1938, p. 2.

⁸⁵ Британская сторона не знала, что этот срок вторжения в Чехословакию был намечен Гитлером еще в мае.

⁸⁶ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. I, с. 263.

⁸⁷ CAB 42/38. Cabinet Meeting 24 September, 1938, p. 12, 13.

⁸⁸ CAB 43/38. Cabinet Meeting 25 September, 1938.

⁸⁹ Clarke St. 1000 years of Annoying the French. London, 2010, p. 533.

⁹⁰ CAB 45/38. Cabinet Meeting 26 September, 1938, p. 2.

готовность Британии прийти на помощь Чехословакии совместно с Францией и Советским Союзом. Это, как указывал Макмиллан, «было конечно блефом»⁹¹. После Мюнхена глава Форин офис стал более независим от премьера, выступая в поддержку перевооружения, всеобщей воинской повинности и создания многопартийного правительства. Самоуправство Галифакса вызвало недовольство Чемберлена, который заблаговременно дезавуировал своего министра, призвав германское руководство (через посла в Берлине) не обращать внимания на жесткие заявления, идущие из Лондона!

Подвергнувшись 26 сентября новой яростной атаке Гитлера, угрожавшего войной уже через четыре дня (1 октября) в случае, если Чехословакия отвергнет Годесбергский меморандум, Вильсон передал фюреру официальное послание, пообещав привести их в чувство. В свою очередь, в еще одном личном обращении к Гитлеру, Чемберлен, отметив, что «всех основных целей» можно добиться «без войны и без промедления»⁹², выразил готовность прибыть в Берлин для обсуждения условий мирной передачи Судетской области. Одновременно была направлена телеграмма Муссолини с просьбой оказать давление на фюрера в пользу проведения международной конференции. Как обычно, это делалось за спиной кабинета.

28 сентября британскому премьеру был нанесен еще один «мастерский психологический удар»⁹³: из Берлина пришло приглашение на четырехстороннюю конференцию в Мюнхен. По свидетельству Идена, когда Чемберлен зачитал телеграмму от Гитлера в ходе дебатов в Палате общин, все депутаты, за малым исключением (самого Идена, Черчилля, Эмери и некоторых других) «вскочили на ноги и с приветственными криками стали размахивать рабочими бумагами»⁹⁴. В общее ликование включились и зарубежные послы, присутствовавшие на заседании палаты. На следующий день кабинет почти в полном составе провожал премьера на аэродроме перед вылетом в Мюнхен.

Можно согласиться с теми российскими и зарубежными историками, которые считают, что переговоров в общепринятом смысле этого слова на мюнхенской конференции 29—30 сентября 1937 г. не было, а «предстояло лишь утвердить отдельные детали ранее выработанной сделки»⁹⁵. Французская и британская делегации даже не обсудили предварительно и не согласовали стратегию переговоров. Вместе с тем, главным для Чемберлена был не Судетский вопрос, а заключение англо-германской сделки⁹⁶. То, что Гитлер легко согласился еще на одну встречу с премьером по завершении конференции, а также без колебаний подписал предложенный документ — Декларацию о ненападении — свидетельствовало вопреки тому, как это воспринял Чемберлен, не о его добрых чувствах в отношении Британии, а о том, как мало значения он придавал этому клочку бумаги и его содержанию. Сепаратная англо-германская встреча и подписанная Декларация о ненападении без какого-либо упоминания главного союзника британцев Франции, стала для Парижа неприятной неожиданностью. Что касается самой Чехословакии, то ее представителю был вручен принятый на конференции документ — «довольно грубым образом и притом — французом» — как «приговор без права апелляции и без возможности внести в него исправления». Чемберлен «при этом непрерывно звал

⁹¹ *Macmillan H.* Op. cit., p. 15.

⁹² *Черчилль У.* Указ. соч., т. 1, с. 239.

⁹³ *Майский И. М.* Указ. соч., с. 364.

⁹⁴ *Eden A.* Op. cit., p. 33.

⁹⁵ *Борисов А. Ю.* Мюнхенская трагедия. Размышления о том, чему учит судьба Чехословакии. — *Международная жизнь*, 2017, № 7, с. 145.

⁹⁶ CAB Cabinet Meeting 27 September, 1938, Annex.

и не обнаруживал никаких признаков смущения»⁹⁷. Он был очень доволен итогами встречи, заметив после Мюнхена, что Гитлер, который, согласно заявлению Шахта на Нюрнбергском процессе, просто получил Чехословакию «в подарок», оказался «не таким уж плохим парнем»⁹⁸.

В Британии решения конференции встретили с чувством трусливого облегчения и стыда. Ощущавшего себя триумфатором премьера встречали всеобщим ликованием. Поддержавший Мюнхен и впоследствии этого стыдившийся, лорд Исмэй охарактеризовал этот прием как «истерический»⁹⁹. Растроганный, подавленный эмоциям под влиянием встречающих его толп, Чемберлен размахивал декларацией, повторив слова Дизраели, сказанные по возвращении с Берлинского конгресса, — что привез «мир с честью» и «мир для нашего времени». Эти, а также другие не менее яркие его фразы, за которые премьеру пришлось впоследствии оправдываться в парламенте, лишь продемонстрировали его полное непонимание реальной ситуации, что недопустимо для руководителя такого ранга. Взволнованный король Георг в нарушение протокола даже пригласил премьера выйти с ним на балкон Букингемского дворца, чтобы поприветствовать собравшиеся толпы народа. В его честь сочинили и запустили в эфир песенку с бодрым припевом «Храни вас Бог, мистер Чемберлен!». Все это выглядело так, «как будто Британия одержала крупную победу, а не предала малую страну»¹⁰⁰. По словам Идена, победу в Мюнхене, причем «бескровную», одержал Гитлер¹⁰¹, а Черчилль в своем блестящем выступлении в Палате общин заявил, что «мы потерпели полное и абсолютное поражение», «последствия которого будем испытывать очень долго». Народ, подчеркнул он, «должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор». Эти его слова были встречены бурей негодования, так как «многие искренне восхищались упорными и непоколебимыми усилиями Чемберлена сохранить мир и его личными трудами в этом деле»¹⁰². «Не думайте, что это конец, — продолжил Черчилль. — Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если только мы не встанем, как встарь, на защиту свободы, вновь обретя могучим усилием нравственное здоровье и воинственную энергию»¹⁰³.

Между тем, как выяснилось из показаний фельдмаршала Кейтеля на Нюрнбергском процессе, Германия в 1938 г. не была достаточно сильна в военном отношении и затевать войну из-за Чехословакии вовсе не предполагала, а Гитлер, по обыкновению, блефовал. «Целью Мюнхена было вытеснить Россию из Европы, выиграть время и завершить вооружение Германии», — заявил фельдмаршал¹⁰⁴. Таким образом, никудышный стратег Чемберлен совершил, как и предсказывал Черчилль, роковую ошибку, избежав войны ценой унижения и бесчестия в 1938 г., но получив ее годом позже, когда соотношение сил между союзниками и фашистскими державами катастрофически изменилось в пользу последних.

Ответственность за Мюнхенский сговор вместе с премьером несет также и Палата общин: он был одобрен подавляющим большинством депутатов — 366 против

⁹⁷ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. I, с. 314.

⁹⁸ The Reckoning. The Memoirs of Anthony Eden, p. 43.

⁹⁹ The Memoirs of General the Lord Ismay. London, 1960, p. 92.

¹⁰⁰ Weisbrode K. Op. cit., p. 55.

¹⁰¹ The Reckoning. The Memoirs of Anthony Eden, p. 29.

¹⁰² Черчилль У. Указ. соч., т. 1, с. 298.

¹⁰³ Там же, т. 1, с. 300.

¹⁰⁴ Там же, т. 1, с. 292.

114 (при этом действия правительства не осудил ни один тори, а 25 человек воздержались). «Мирные усилия» Чемберлена были восторженно восприняты в других европейских странах, а также США. А некоторые норвежские СМИ даже выступили за присуждение премьеру Нобелевской премии мира¹⁰⁵.

Атмосфера ликования от того что удалось избежать войны, сохранялась в стране еще несколько месяцев. Чемберлен ощущал себя национальным героем, в этом его убеждали каждодневно, в том числе в ходе поездки во Францию в конце ноября. Окрыленный нескончаемыми дифирамбами, он проникся «каким-то полумистическим убеждением в своей особой “избранности” для дела “умиротворения” человечества», считая себя человеком, на которого «возложена “божественная миссия” спасти род людской от войны»¹⁰⁶. Он получил более 20 тыс. писем и телеграмм поддержки, а также горы подарков от благодарных британцев и иностранных граждан, в том числе удочки, носки, огромное количество зонтов, бутылок вина, 6 тыс. луковиц из Голландии, крест от Папы римского¹⁰⁷.

На имидж «премьера-спасителя» активно работала британская пресса, принадлежавшая «мюнхенцам» — лорду Астору (“Times”, “Observer”), Бивербруку (“Daily Express”, “Sunday Express” и “Evening Standard”, журнал “Spectator”), Потермиру (“Daily Mail”). Эти издания, публиковавшие комплиментарные для нацистского режима статьи, поддерживали официальный курс правительства. Были и другие газеты (“Daily Telegraph”, “News Chronicle”, “Manchester Guardian”, “Daily Herald”, журналы “New Statesman” и “Economist”), подвергавшие критике курс на «умиротворение», но они не делали погоды. В ходе Чехословацкого кризиса на главных редакторов ведущих национальных газет, а также на Би-Би-Си, как отмечает специально изучавший этот вопрос Макдонахью, оказывалось мощное давление в пользу поддержки миротворческих усилий премьера¹⁰⁸.

И все же общественное мнение не было таким единодушным и комплиментарным для Чемберлена, как представляли проправительственные СМИ. Проводимые опросы показывали существенные расхождения с официальной точкой зрения на происходящие события: в июле 1937 г. в поддержку Лиги Наций и мер коллективной безопасности высказывалось более 70% опрошенных, 44% были возмущены Годесбергским меморандумом, а в марте 1938 г. политику кабинета одобряло лишь 26%, не одобряло 58%¹⁰⁹. Однако Чемберлен продолжал взятый курс, «решительно противостоял давлению (оппонентов. — Н. К.) в пользу мобилизации промышленности» под предлогом, что это стало бы свидетельством несоблюдения Британией Декларации, подписанной в Мюнхене¹¹⁰. Он также отмел предложение Идена о создании коалиционного правительства, мотивируя свой отказ его нецелесообразностью и даже вредностью для мирного периода. Более того, он ввел в практику заблаговременно направлять диктаторам — Муссолини и Гитлеру — тексты важных своих речей, чтобы выступать согласованно и в одном ключе.

Воодушевленный достигнутым в Мюнхене Чемберлен решил воспользоваться, как он считал, благоприятным моментом для установления дружеских отношений с Италией. В ходе визита в Рим, состоявшегося в январе 1939 г., он получил восторженный прием у итальянских граждан (разыгравших это представление в соответствии с указаниям презиравшего его Муссолини), чем остался чрезвы-

¹⁰⁵ Churchill R. Op. cit., p. 164.

¹⁰⁶ Документы по истории Мюнхенского сговора. 1937—1939. М., 1979, с. 414.

¹⁰⁷ Self R. Op. cit., p. 329.

¹⁰⁸ McDonough F. Op. cit., p. 124.

¹⁰⁹ Ibid., p. 127, 128.

¹¹⁰ Self R. Op. cit., p. 333.

чайно доволен, приняв за чистую монету весь этот «лимонад» — пышную встречу и грубую лесть¹¹¹. В свою очередь, итальянская сторона по итогам состоявшихся переговоров сделала вывод, что Лондон пойдет на любую уступку, чтобы избежать войны, и была недалеко от истины. Как записал в дневнике Чиано, после захвата Германией всей Чехословакии Чемберлен обратился к Муссолини с письмом, в котором «призывал восстановить взаимное доверие и обеспечить сохранение мира». Дуче «решил ответить лишь после нанесения удара по Албании. Это письмо, явившееся еще одним доказательством инерции демократий, лишь укрепило его решение действовать»¹¹². Ответом Лондона на очередной акт агрессии была врученная британским послом нота с выражением «мягкого протеста»: такой текст, по словам Чиано, вполне мог быть подготовлен самой итальянской стороной¹¹³. И хотя после апреля 1939 г. Чемберлен начал как будто прозревать, понимая, что Муссолини водит его за нос, заигрывание с Римом (в форме экономического «умиротворения») продолжалось еще год вплоть до его отставки.

Захват Германией 15 марта 1939 г., при участии Польши и Венгрии, оставшейся части Чехословакии (своеобразный «подарок» Чемберлену к его 70-летию) окончательно дискредитировал проводимый курс, а по престижу премьера, который за несколько дней до этого отмечал снижение напряженности в Европе, предвещающая наступление длительного периода спокойствия, был нанесен сокрушительный удар. Отношение к нему как к «некомпетентному, легковверному и совершенно неподходящему» на роль премьер-министра стало почти повсеместным¹¹⁴. «Гаранты» (Британия и Франция) не пришли на помощь Праге, ограничившись нотой протеста, в которой выражалась «глубокая озабоченность» действиями Берлина. Чемберлен в Палате общин заявил о недействительности гарантии границ «непроизвольно распавшейся» Чехословакии, добавив с цинизмом и «весьма хладнокровно»: «В настоящее время мы просто являемся свидетелями пересмотра границ, установленных Версальским договором»¹¹⁵. Как когда-то, после Тридцатилетней войны, Чехия вновь утратила независимость, на этот раз с согласия ведущих европейских держав, которые ради приверженности принципу «умиротворения» предпочли не услышать попытки протеста со стороны Советского Союза.

Вместе с тем реакция оппозиции и многих СМИ на эту агрессию была настолько осуждающей, а некомпетентность премьера и его провал настолько очевидными, что он вынужден был реагировать более решительно, вызвав в Лондон «для доклада» посла Гендерсона. В речи в своем родном Бирмингеме, произнесенной 17 марта 1939 г., значительная часть которой была посвящена оправданию прежнего курса, Чемберлен сообщил о готовности Британии ответить на возможную угрозу со стороны Германии, что по замыслу должно было произвести впечатлительное существенной корректировки его политики. Однако гарантии, которые Лондон стал раздавать малым странам (Бельгии, Нидерландам, Дании, Швейцарии, Греции, Румынии, а также Польше), были по существу декларативными, ибо воевать

¹¹¹ В письме Гитлеру 26 июня 1940 г. Муссолини открыто заявил, что «пришло время разделиться с Англией», напомнив ему о своих словах в Мюнхене относительно готовности прямого участия Италии в «штурме острова»: «Я готов участвовать в нем сухопутными и воздушными силами, и Вы знаете, насколько я этого желаю». К сожалению, британский премьер не знал о существовании этого письма — оно было опубликовано уже после войны. — *Черчилль У.* Указ. соч., т. 1, с. 292.

¹¹² Цит. по: *The Reckoning. The Memoirs of Anthony Eden*, p. 60.

¹¹³ *Ibid.*, p. 61.

¹¹⁴ *Self R. Op. cit.*, p. 252.

¹¹⁵ *Черчилль У.* Указ. соч., т. 1, с. 304.

на континенте по настоящему Британия не собиралась¹¹⁶. Это полностью подтвердилось впоследствии в ходе так называемой «странной войны».

После очередного акта агрессии усилились требования британской общественности вернуть Черчилля в правительство. За это выступало, согласно опросам, 56% (против — 26%, при 18% не определившихся). Главный оппозиционер превратился к тому времени в постоянного раздражителя, лишившего премьера спокойной жизни своими нескончаемыми звонками и письмами с требованиями немедленных действий в ответ на захват Италией Албании — оккупации британским флотом о-ва Корфу, чтобы не допустить присоединения Греции к странам «оси»¹¹⁷. Однако эти требования не получили поддержки членов кабинета.

Как отмечала газета «The Daily Telegraph», Черчилль находился в такой отличной форме, что депутаты сбегались в палату, заполняя все проходы, чтобы услышать его выступления. Признавая, что у Черчилля «нет равных в Палате общин», премьер, тем не менее, не думал включать «нарушителя спокойствия» в правительство, полагая, что это «станет актом открытой враждебности в отношении Берлина»¹¹⁸.

Чемберлен не испытывал никакого энтузиазма по отношению к Советскому Союзу. Как считали «левые», он «скорее допустил бы захват Гитлером всей Европы, чем согласился сражаться с фашизмом вместе с Советским Союзом»¹¹⁹. Не удивительно, что видя в Германии эффективный противовес СССР, а также стремясь отвести угрозу от Британской империи он готов был предоставить Гитлеру свободу рук в Восточной Европе с целью установления «нового европейского порядка... без Советского Союза», и поэтому «никогда не считал аморальным стремление к соглашению с диктаторами»¹²⁰. Как подчеркивалось в обзоре внешней политики Великобритании за 1938 г., подготовленном посольством СССР в Лондоне, сразу же после Мюнхена в британской и французской печати началось усиленное муссирование слухов о том, что «теперь Гитлер пойдет на Восток и что его ближайшим крупным объектом является Украина»¹²¹.

26 марта 1939 г. премьер записал в своем дневнике: «Должен признаться, что Россия внушает мне самое глубокое недоверие. Я нисколько не верю в ее способность провести действенное наступление, даже если бы она этого хотела. И я не доверяю ее мотивам, которые, по моему мнению, имеют мало общего с нашими идеями свободы. Она хочет только рассорить всех остальных»¹²². Хотя такого же мнения придерживались видные члены кабинета, осознание нарастающей угрозы войны, а также давление общественности заставили Галифакса и даже Саймона изменить свою позицию в пользу соглашения с Москвой. Заключение полноценного соглашения с Советским Союзом требовали Черчилль, Ллойд Джордж и другие деятели оппозиции. Потеряв в этом вопросе поддержку ближайших коллег, Чемберлен все же вынужден был согласиться на переговоры о заключении трехстороннего (Британия, Франция, СССР) союза.

При этом договариваться на самом деле премьер вовсе не собирался, не скрывая от коллег резко негативного отношения к этой идее и мотивируя свою позицию возражениями со стороны некоторых доминионов, а также Польши и Румынии¹²³.

¹¹⁶ АВП РФ, ф. 06, оп. 1а, п. 25, л. 25.

¹¹⁷ Gilbert M. Winston S. Churchill..., p. 1055.

¹¹⁸ Ibid., p. 1065.

¹¹⁹ Self R. Op. cit., p. 366.

¹²⁰ McDonough F. Op. cit., p. 156.

¹²¹ Документы по истории Мюнхенского сговора, с. 413.

¹²² McDonough F. Op. cit., p. 174.

¹²³ АВП РФ, Английский госархив (ИДА), ф. 836, оп. 3, д. 9, л. 36; д. 10, л. 36.

Как подчеркивает М. Карли, «идеологический антикоммунизм» уничтожил возможную альтернативу «умиротворению»¹²⁴. Медленный прогресс на трехсторонних переговорах весной—летом 1939 г., а также его отсутствие на англо-франко-советских переговорах военных миссий этих стран в августе в Москве объяснялся тем, что все это время Чемберлен не оставлял попыток заключить «всеобъемлющее соглашение» с Германией, интенсивные и преимущественно тайные переговоры о котором велись параллельно через его доверенных лиц Г. Вильсона и Р. Хадсона¹²⁵, а также посредников из нейтральных стран. Поэтому переговоры с Москвой играли роль своего рода прикрытия, а также нужны были для того, чтобы «попугать» Гитлера, сделав его более сговорчивым¹²⁶.

Премьер панически боялся советско-германского сближения, слухи о возможности которого вызвали на Уайтхолле состояние паники. В итоге, его двойная игра с Москвой потерпела полный крах. Исчерпав все возможности договориться с Парижем и Лондоном, и стремясь избежать войны на два фронта, Москва заключила пакт о ненападении с Берлином. Это нанесло мощный удар по убогой и близорукой политике Чемберлена, сорвав его стремление договориться с Гитлером за счет СССР. В сложившихся условиях Лондону не оставалось ничего иного, как попытаться сохранить лицо, подписав 25 августа договор о взаимопомощи с Польшей, ибо невыполнение данных Варшаве гарантий было бы расценено в мире как его полная капитуляция перед Германией.

В эти остающиеся до начала войны дни Чемберлен не прекращал попыток договориться с Гитлером об урегулировании польского вопроса по типу Мюнхена. «Если бы Гитлер попросил Данциг по-нормальному, — говорил премьер еще летом 1939 г., — это можно было бы организовать»¹²⁷. Он действовал уже опробованным путем, забыв при этом, как совсем недавно мотивировал свое нежелание повлиять на Польшу в вопросе пропуска советских войск через ее территорию тем, что она является самостоятельным государством: на этот раз на Варшаву было обрушено сильнейшее давление с требованием «пристойного» поведения, немедленного вступления в переговоры с Гитлером и отмены решения о мобилизации. В дополнение к шведскому посреднику Б. Далерусу активно действовали Гендерсона, который готовил визит Геринга в Лондон. По всей видимости, это, а также переписка с британским премьером перед началом польской кампании, которую Гитлер стремился завершить до начала осенней распутицы, были своего рода дымовой завесой, за которой Берлин хотел скрыть свои планы в отношении Польши. Показательный эпизод: чтобы Чемберлен (этот, по словам Гитлера, «мелкий червяк») не наделал глупостей и не выступил в поддержку Польши, для передачи ему срочного послания от фюрера послу Гендерсону даже предоставили услуги Люфтваффе.

Премьер не хотел отказываться от политики «умиротворения», в которую он вложил всю свою душу, даже тогда, когда Гитлер напал на Польшу, и от Британии ждали выполнения взятых на себя обязательств. Вместо этого он и Даладье продолжали переписку с агрессорами, отчаянно пытаясь организовать второй Мюнхен. Однако задержка с ультиматумом Германии едва не стоила Чемберлену поста: атмосфера в парламенте (и кабинете) сложилась настолько угрожающая, что

¹²⁴ Diplomacy and Statecraft, 2008, v. 19, issue 3.

¹²⁵ Документы и материалы кануна Второй мировой войны, т. II, с. 70-77.

¹²⁶ Более подробно о политике гарантий и двойной игре Лондона на англо-франко-советских переговорах о заключении союза см.: *Капитанова Н. К.* Политика Великобритании от Мюнхена до пакта Риббентропа — Молотова: от умиротворения к политике гарантий? — Вестник МГИМО (У). Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. 2009 г. М., 2009.

¹²⁷ *Gilbert M. Winston S. Churchill...*, p. 1082.

далее тянуть с ним было невозможно: группа депутатов, ворвавшаяся к премьеру 2 сентября, буквально заставила его предъявить Берлину ультиматум не позднее 9 час. утра следующего дня.

«Было бы лучше, — писал Г. Макмиллан после сделанного премьером сообщения о вступлении Британии в войну, — если бы в этот момент просчета и разочарования он передал бремя (руководства страной. — *Н. К.*) в другие, более крепкие руки». Но правительство продолжало оставаться однопартийным во главе с премьер-министром, который «провально руководил страной в последние годы»¹²⁸. Хотя военные обстоятельства заставили, наконец, включить в состав правительства на должность первого лорда Адмиралтейства Черчилля, воевать по-настоящему Чемберлен не собирался: вместо оказания военной помощи Варшаве, бомбардировок аэродромов и коммуникаций Германии, началась «война конфетти» — над ее территорией сбрасывали листовки с призывом прекратить военные действия. «Возможно, Чемберлен и его друзья считали, что если апеллировать к “хорошим немцам”, они поднимутся и свергнут Гитлера», — писал Макмиллан, называя это «странной иллюзией»¹²⁹. Наслаждавшегося каждым моментом войны Черчилля с его неумной энергией и нескончаемыми предложениями, выходящими далеко за рамки непосредственных обязанностей, премьер успокоил, проведя с ним «очень открытую беседу», после чего тот обещал прекратить такую практику¹³⁰.

Чемберлену была абсолютно противопоказана роль военного лидера. Он просто не понимал, что от него требуется, продолжая твердить о скором достижении мира. «Не имея дара вдохновлять кого бы то ни было», премьер-министр, по словам Г. Никольсона, производил впечатление «секретаря фирмы гробовщиков, зачитывающего протокол последнего заседания»¹³¹. Его распорядок практически не изменился: каждое утро он совершал променады в Сент-Джеймском парке, после чего в 11.30 собирал военный кабинет. Но поскольку особых дел не было, министрам разрешили уезжать из Лондона на выходные (оставляя несколько человек «на дежурстве»), сам премьер проводил их в обожаемом Чекерсе. Он находил время на чтение всех комедий любимого Шекспира, посещение парков, ботанического сада и зоопарка¹³². Неудивительно, что война приобрела «странный» характер: полное бездействие на фронте, лишь экономическая блокада Рейха, которая «протекала как решето». Германию, продемонстрировавшую в Польше «великолепный образец современного блицкрига»¹³³, Чемберлен собирался «убедить» в том, что она «не сможет победить»! Через месяц после начала войны он уже обсуждал с членами кабинета условия перемирия, вступив с Гитлером в переписку через шведского посредника. Он последовательно возражал против бомбардировок Германии, не позволил первому лорду Адмиралтейства действовать быстро и решительно в Норвегии, в результате британские силы потерпели там поражение и вынуждены были эвакуироваться.

Сформировать национальное (коалиционное) правительство, как это требуется во время войны, Чемберлену не удалось из-за категорического отказа и лейбористов, и либералов, не желавших брать на себя ответственность за провальную политику. Они уже разрабатывали на серии тайных совещаний с участием ведущих членов оппозиционных партий, а также ряда тори, возможность выступить с со-

¹²⁸ *Macmillan H.* Op. cit., p. 3, 7.

¹²⁹ *Ibid.*, p. 8.

¹³⁰ *Self R.* Op. cit., p. 386.

¹³¹ Цит. по: *Parkinson R.* Op. cit., p. 248.

¹³² *Self R.* Op. cit., p. 384.

¹³³ *Черчилль У.* Указ. соч., т. 1, с. 405.

вместной инициативой против премьера. Общее настроение состояло в том, чтобы поставить вместо него Галифакса, а лидером Палаты общин сделать Идена¹³⁴.

«Мир для нашего времени» — это не единственная знаменитая фраза Чемберлена. Еще одним, не менее известным, свидетельствующим о его катастрофическом отрыве от реальности, стало заявление на одном из партийных мероприятий о том что «Гитлер опоздал на свой автобус»¹³⁵. Этим он хотел подчеркнуть, что военная мощь союзников неуклонно нарастает, в то время как мощь Германии уменьшается, что свидетельствует о ее неспособности на наступление. По иронии судьбы он произнес это 4 апреля 1940 г. за несколько дней до вторжения Германии в Норвегию, донесения о подготовке которого отвергал как недостоверные. Это положило конец «странной войне» и стало началом конца правления Чемберлена.

Даже его ближайшее окружение понимало, что дни премьера, рейтинг которого упал до 33%, сочтены. В ходе исторических дебатов по Норвегии, состоявшихся 7—8 мая 1940 г., несмотря на яростные и справедливые обвинения со стороны лейбористов и либералов, а также яркие выступления видных тори и представителей других партий, намеренный стоять до конца Чемберлен, казалось, смог отбиться. Он полагал, что в чрезвычайных условиях германского вторжения в Бельгию и Нидерланды, не время менять руководство, а критику можно приглушить, пожертвовав Саймоном, Хором и Вудом. Но ни отчаянные усилия правительственных «кнотов», ни запущенные ими слухи о кардинальном реформировании правительства уже не могли его спасти: депутаты требовали отставки. Голосование по вотуму доверия, показало, что правительственное большинство снизилось с 222 голосов (сразу после Мюнхена) до 81. С позиций сегодняшнего дня, когда правительства функционируют, имея большинство в 20—30 и даже меньше голосов, положение Чемберлена не кажется таким уж катастрофическим. Вместе с тем, падение его популярности было настолько впечатляющим, а отношение подавляющего числа депутатов таким недвусмысленным, что премьер осознал, наконец, невозможность дальнейшего руководства страной. После телефонного звонка лидера лейбористов К. Эттли, сообщившего о решении Исполкома лейбористской партии войти в национальное правительство во главе с новым премьер-министром, он, предложив свой пост Галифаксу, а после его отказа Черчиллю, отправился к королю с прошением об отставке.

Появившись после этого в Палате общин, экс-премьер получил потрясающий прием со стороны фракции консерваторов: «депутаты кричали приветствия, размахивали бумагами, а его выступление сопровождалось обычной овацией»¹³⁶, в то время как сменившего его на посту премьер-министра Черчилля («нужного человека в нужное время»¹³⁷) приветствовала в основном оппозиция. Неудивительно поэтому, что зная отношение к себе во фракции, тот оставил в правительстве многих «мюнхенцев», за исключением вызывавших наибольшую аллергию Хора (он был оправлен послом в Мадрид), Саймона (передвинутого в Палату лордов) и Вильсона (вернувшегося к своим обязанностям на посту постоянного секретаря казначейства с предупреждением — никогда не появляться на Даунинг-стрит, иначе будет назначен губернатором Гренландии)¹³⁸.

¹³⁴ Newman S. March 1939. The British Guarantee to Poland. A Study in the Continuity of British Foreign Policy. Oxford, 1976, p. 103.

¹³⁵ Gilbert M. *Finest Hour...*, p. 207.

¹³⁶ Jenkins R. *Op. cit.*, p. 591.

¹³⁷ Lovell M. *The Churchills*. London, 2011, p. 426.

¹³⁸ Self R. *Op. cit.*, p. 432.

Поначалу Черчилль с «присущим ему великодушием» предложил своему предшественнику пост лидера Палаты общин и канцлера казначейства, стремясь таким образом обеспечить себе поддержку консервативной партии, большая часть которой была предана Чемберлену. Но узнав об этом 10 мая из прощального выступления самого премьера, лейбористские лидеры взбунтовались, и на Черчилля было оказано сильнейшее давление. Столкнувшись с угрозой серьезного кризиса, он вынужден был уступить, назначив Чемберлена лордом-президентом Совета. К тому же, вплоть до своей смерти он продолжал оставаться лидером консервативной партии, вел в отсутствие Черчилля заседания военного кабинета, принимал участие в решении всех важнейших вопросов, неизменно выступая при этом на стороне своего преемника. Вместе с тем, и после его ухода с поста премьер-министра яростная критика проводимой ранее политики «умиротворения» не прекратилась, и до 80% опрошенных высказывались за его удаление из правительства.

Пережив невероятный взлет, а затем глубочайшее падение, летом 1940 г. Чемберлен тяжело заболел и был прооперирован. В Палате общин, где он еще пару раз появлялся, экс-преьера неизменно встречали бурными аплодисментами. 29 сентября он сложил с себя все полномочия, а месяц спустя умер, так и не признав допущенных ошибок, дорого обошедшихся стране и миру.